

ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ

ПРОЗА

**АНДРЕЯ
ОСТАЛЬСКОГО**

АНДРЕЙ
ОСТАЛЬСКИЙ

Английская тайна

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-76

Оформление серии *С. Власова*

Ранее роман выходил под названием «Английские правила»

Остальский А.
О-76 Английская тайна : роман / Андрей Остальский. —
М. : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Любовь и власть).

ISBN 978-5-699-68556-1

Что должен думать человек, если в один прекрасный день встречает женщину, неотличимую от его собственной жены, а спустя несколько дней видит ее под руку с мужчиной, как две капли воды похожим на него самого? Конечно же, что это розыгрыш! Но Александру Тутову не до смеха. Он подозревает, что попал в серьезную передрагу и что его размеренному эмигрантскому существованию в английском графстве Кент пришел конец. Чтобы спастись, надо разобраться, кто и зачем плетет против него заговор, и главное — понять самого себя, научиться отличать настоящее от подделки.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68556-1

© Остальский А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Пролог

Хозяин вдруг сказал: стоп! И остановился как вкопанный. Быч чуть не налетел на него: еле-еле остановил движение — в миллиметре за хозяйской спиной. А тот стоял, неотрывно глядя на что-то в районе центрального входа. Постоял, постоял, а потом, ни слова не говоря, круто повернул вправо и пошел вдоль вокзального здания. Что ему там понадобилось, неизвестно. Не изволит объяснять охране своих мотивов.

Ну вот, всегда так. Как вообще в такой ситуации работать профессионалу?

В помощниках в тот день у Быча были Пересыпкин с Ярчиком. Не худший вариант, но и не лучший. Со стандартной ситуацией справятся, но ничего сверхчеловеческого от них не жди. Впрочем, где они, вообще, супермены? Давно кончились, ушли в легенды богатыри достославного Девятого управления. Оставалось надеяться, что предполагаемый противник никак не мог угадать, что Хозяину вздумается оказаться именно в этот час в этом самом месте, ведь решение о том, чтобы ехать в Москву десятичасовым поездом, было принято буквально в последний момент. Как это у Хозяина и водится. Если даже пронюхают, размышлял Быч, то слишком мало времени

у них остается, чтобы организовать что-нибудь толковое. Ануфриев, помощник, рванул на вокзал впереди всех, как-то договорился с администратором, взял два купе. Как и планировалось, домчались до вокзала за шесть минут, без остановок на светофорах, с включенной сиреной.

Вылезли из машин на углу площади, где остановка запрещена. Ну, кому запрещена, а кому — нет. Всего-то пару сотен менту сунуть, и никаких проблем.

Теперь до отбытия оставалось семь минут. Так и было задумано: приехать в самый последний момент. А оттуда, от угла площади до входа в Депутатский — всего метров тридцать, не больше. Несколько секунд, и в дамках!

Молодой Ярчик шел впереди, прокладывал дорогу, Пересыпкин прикрывал сзади, а сам Быч держался рядом, плечо к плечу с Хозяином, не отрывая ни на секунду пальцев от ручки пистолета.

И вот теперь — все насмарку. Потому что Хозяину приспичило, видите ли, ни с того ни с сего рвануть к главному входу. Что он там вообще забыл? Как вот работать с таким непредсказуемым, импульсивным человеком? То ли дело были секретари ЦК, которых Быч успел поохранять в достославные времена СССР и Девятого управления. Ни на метр от утвержденного маршрута! Ни на минуту от назначенного времени. Красота, профессионализм, гармония. А теперь вот — капризный такой Хозяин. В прошлый раз на целые сутки застрял на даче у своего дружка Кретьова. А потом ни с того ни с сего помчался в Ростов. Полетел на частном самолете, но ждать, пока самолет вернется из Тувы, не захотел, решил ехать в Москву на поезде. Быч виду не подал, как и пристало профи, все организовал блестяще, свел риск к минимуму. Хозяин мог бы и оценить. Сказать что-нибудь приветливое. Отметить, буркнуть хотя бы: Бычков, ты молодец. Все на уровне у тебя, как всегда. Ха-ха, конечно, ждите. Да он о его существовании не помнит вообще.

Теперь вот понадобился ему зачем-то главный вход. А к нему идти — сквозь толпу надо пробираться. Какая тут, к Аллаху, безопасность! Быч даже не заметил, как от напряжения у него пот по шее потек — так он был поглощен попыткой удержать ситуацию под контролем. Но, надо было признаться честно, это было невозможной задачей. Слишком много людей, спящих, идущих сразу во все стороны, стоящих, сидящих, жующих, курящих. И Ярчик, и Пересыпкин — стрелки отменные, но здесь не в этом фишка, здесь вам не тир. Да и вообще — пусть ты самый что ни на есть гениальный телохранитель на свете, но ни таланты, ни тренировки бесконечные, ни опыт колоссальный — ничто не поможет, если что. Если попадешь здесь, в неуправляемой толпе, в засаду. А там уж дальше как повезет. Ведь есть предел тому, на что способен человек.

Слева от главного входа стенку подпирала группа веселых проституток, с утра уже слегка поднабравшихся. Отдельно от них, с левой стороны стояла еще одна, какая-то совсем непрезентабельная, бледная, с брезгливым выражением невымытого лица. В мятном, выдавшем виды платье.

Мочалочка стояла себе, подпирала стеночку, никого не трогала. Мучилась с похмелья, но это были ее личные проблемы, никого другого не касающиеся. И вдруг как снег на голову — мажор этот с целой свитой. Зачем она могла ему понадобиться? Бред какой-то...

Стоит, разглядывает, как покупатель на невольничьем рынке, и ухмыляется, вроде как смешно ему почему-то.

Стоял-стоял, ухмылялся-ухмылялся и говорит:

— Как тебя зовут?

— А тебе зачем? — огрызнулась Мочалочка.

— Ну значит надо, раз спрашиваю...

Она хотела его послать на три буквы или спросить дерзко: а тебя как? Но прикусила язык, хватило со-

ображалова не дразнить мажора — а то ведь с него станется, бить начнет. Выбьет пару зубов — запросто, и Мишку-Стригуна на помощь не позовешь. Куда там, когда у этого архангелы со стволами...

— Чего молчишь? Как зовут, спрашиваю! — разозлился, улыбаться перестал. Правильно она сделала, что не стала задираться. Они же теперь все такие, нетерпеливые. Выдавила из себя, не глядя мажору в глаза:

— Ну, Аля...

— Аля — это Александра, что ли?

— Нет. Аля, и все...

Не произносить же вслух ее полного татарского имени. Между прочим, красивого и старинного. Ханского. От прабабушки доставшегося. Разве эти поймут? Издеваться станут. Ну а этой идиотской клички, которой ее ростовские наградили, мажору и подавно знать не обязательно. Нет, это надо же — Мочалкой прозвать! Станешь тут хоть мочалкой, хоть кем, когда жрать нечего...

Нахальная какая попалась, думал Быч, сейчас Хозяин съездит ей по физии, будет знать. У него с этой категорией трудящихся разговор короткий.

Но нет, удивил. Бить не стал. Говорил с ней спокойно, с улыбкой даже. Чем это она ему так понравилась...

— Ну ладно, допустим, Аля, — сказал хозяин. — Поедешь с нами в Москву.

— Никуда я не поеду, иди ты нах...

Но Хозяин щелкнул пальцами, и Пересыпкин схватил Мочалочку за руку. И потащил к платформе. У Пересыпкина не забалуешь.

Слава богу, двинулись. А то до отправления только три минуты осталось.

В купе она успокоилась. Сидела с закрытыми глазами, будто спала. А Хозяин уселся напротив и снова ее

в упор разглядывал и все чего-то языком цокал. Сказал вдруг:

— Ну и ну!

Она тут же глаза открыла, спросила:

— Что — ну и ну?

— Да так, — сказал Хозяин уклончиво. — Потом объясню.

Чего он в ней нашел? — думал Быч. И вдруг до него дошло: да ведь если взглядеться хорошенько, так ведь классная баба! Внешность тонкая такая, необычная, нездешняя... Если отмыть ее да почистить как следует... Одеть поприличнее.. Подкормить слегка — будет та еще красotka. Большой кайф, кто понимает. Но не сразу это разглядишь. Нет, Хозяин он в этом деле — первый знаток.

Она смотрела тяжело. Устало и зло. Ваша взяла, черт с вами, делайте что хотите, читалось в ее взгляде.

— Хоть поесть дайте, — сказала.

— Дадим, дадим... не волнуйся... И поесть, и выпить... и много чего еще другого дадим... Если обо всем договоримся, конечно...

— Да о чем договариваться с вами, — сказала она с тоской и отвернулась в окно.

Поезд как раз тронулся. Мочалка сидела и думала:

«Ясное дело, в дороге будут по очереди пользоваться... Сначала сам мажор, а потом остатки-сладки — для челяди».

Она даже представить себе не могла, насколько она ошибалась.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джокер в валенках

До появления поезда оставалось всего три минуты, и Сашок уже начал нетерпеливо вытягивать шею, выглядывая, не появится ли из-за дуврских скал тупая морда первого вагона, когда чьи-то стальные пальцы обхватили сзади запястье его правой руки. Стало на секунду очень больно, Сашок даже негромко вскрикнул, но боль тут же отпустила, рука его оказалась свободна — только она уже не сжимала ручку черного портфеля из искусственной кожи, подаренного месяц назад тестем на день рождения.

Сашок обернулся и увидел такое, что чуть не вскрикнул во второй раз. Перед ним, ухмыляясь во весь рот, стоял человек в телогрейке и с треухом на голове, а на ногах у него были валенки! Много всяких типов перевидали на станции «Фолкстон-Сентрал», на платформах которой и косовары, и арабы, и китайцы не в диво. Но такого Фолкстон еще не видал. Человек этот был одет как клоун, как грубая пародия на русского — словно он только что сбежал со съемочной площадки очередного «Доктора Живаго» или Джеймса Бонда.

«Не может быть, у него валенки — с галошами!» — потрясенно отметил про себя Сашок. Но не успел осо-

бенно задуматься над этим, поскольку вспомнил про портфель.

А с портфелем была беда. Причем беда тоже невероятного свойства, а именно — он раздвоился. На перроне рядышком, прижавшись к другу, стояли два совершенно одинаковых, как близнецы, черных портфеля.

— Давай, выбирай, какой тебе больше нравится, чего столбом стоишь? — по-русски сказал человек в телогрейке и неприятно осклабился.

Сашок и в самом деле стоял столбом, не в силах вымолвить ни слова. Он открыл было рот, собираясь сказать: «What do you think you're doing?» Типа: «Что это вы такое себе позволяете?» Но не сказал, в последний момент ему показалось глупо говорить с этим клоуном по-английски. Единственное же русское выражение, пришедшее на ум, неожиданно оказалось нецензурным, и Сашок его подавил, поскольку никогда не ругался.

Удивительно, но, кажется, никто на платформе не обращал на происходящее ни малейшего внимания. Ни дикий наряд клоуна, ни два одинаковых портфеля у его ног не вызывали интереса у заждавшихся поезда коммютеров — служивого народа, набивающегося каждый божий день в английские поезда, дабы добраться до работы в другом городе.

— Ну не хочешь — как хочешь, тогда я сам выберу, а то у меня времени нет, не хватало еще с тобой тут в гляделки играть, — объявил человек в валенках. Быстро касаясь то одного, то другого портфеля коротким пальцем с черным ногтем, он забормотал: — Эники-беники, ели вареники, эники-беники, крэкс... — Потом остановился, сказал: «Ага!» и, решительно схватив ближайший к себе портфель, развернулся и направился вниз, против движения людского потока, к выходу со станции.

— Постойте, — с опозданием пискнул Сашок, — так нельзя все-таки! — и побежал было вслед, да где там, разве за ним угонишься, за шутом гороховым, тем более

что навстречу валом валили комьютеры. А ведь чаринг-кросский 7.07 — вот он, уже стоит на первой платформе. И уже загремели, захлопали стальные двери вагонов, произведенных то ли в пятидесятые, то ли в шестидесятые, то ли вообще до войны, и вот свистит уже грозно дежурный по станции, и поезд вот-вот тронется, и если что, придется загорать в ожидании следующего состава добрых полчаса. На работу он тогда непременно опоздает, и начальник, мистер Сингх, опять будет его целый день игнорировать, лишь время от времени бросая в его сторону косые презрительные взгляды.

Короче говоря, Сашок быстро осмотрел оставшийся портфель со всех сторон, пощупал углы, («вроде мой, слава богу!») и — в последний момент — вскочил-таки в поезд под негодующие свистки и крики дежурного.

Сашок неплохо устроился — у окна, с краю на тройном сиденье. Теперь, может быть, до самого Лондона удастся доехать с относительным комфортом, поскольку англичане почему-то (вот он — национальный характер!) терпеть не могут сидеть в середине, зажатыми с обеих сторон, предпочитая даже иногда стоять. И таким образом, на тройных сиденьях, в отличие от двойных, счастливчики могут наслаждаться жизнью. В этом единственное преимущество так называемого «скотского» класса перед всеми остальными. Тоже, правда, относительное, поскольку, когда доходит до крайности — а до нее доходит каждый рабочий день в вечерний час пик, — усталые комьютеры набиваются в вагоны как селетки в бочку. И тут уже не до жиру, не до тонкостей английского индивидуализма: и сидят, и стоят как миленькие, на каждом квадратном сантиметре площади.

Вообще, относительно английских поездов Сашок накопил немало вопросов. Только кому их задать? Жене, Анне-Марии, еще можно при случае, да и то ее реакция бывает непредсказуемой: сожмет еще, чего доброго, губки, заподозрив в попытке «набрать очки». Так было

в прошлый раз, когда он чуть-чуть съехидничал насчет чая из ревения. Ну а уж тесть (которого Сашок должен звать почему-то по имени — Джон) и теща Мэгги (тоже никаких отчеств), так с этими лучше и вообще не связываться. Непременно начнут вздыхать, переглядываться многозначительно и изображать грустное разочарование. Причем, казалось бы, не чванливые дураки какие-нибудь, вовсе нет, способны и над собой посмеяться при случае, но вот из уст Сашка все почему-то воспринимается ими как-то странно, с каким-то подтекстом, дескать, как он может позволять себе такую бестактность? Как там по-английски «чья бы корова мычала»?

Но вопросы между тем действительно накопились. Почему, например, поезда почти всегда опаздывают? Нет, понятно было бы, если бы опаздывали иногда или даже часто, но с такой четкой регулярностью? Или какого лучшего до сих пор в ходу эти двадцатидверные (по десять с каждой стороны), музейного вида вагоны?

Сашок поначалу думал: это так, для экзотики, для изумления туристов, что-то вроде черных кэбов, красных телефонных будок, почтовых ящиков и так далее. Но потом прочитал в «Ивнинг стандарте», что сами пассажиры ненавидят эти поезда, а журналисты их стыдятся. «Только в третьем мире можно найти такие, да и то надо поискать», — сокрушался автор статьи. Оттуда же Сашок почерпнул и термин «скотский класс». На самом деле, кроме всяких разновидностей второго, есть еще и класс первый. Но там вообще жуть. Сашок один раз испытал его прелести на себе, когда кондуктор разрешил всем подряд садиться куда попало — из-за того, что половина вагонов оказалась неисправной и их пришлось отцепить. В этих отвратительных купе оказалось так пыльно, душно и темно, что Сашок впал в окончательное недоумение: зачем люди платят немалые деньги, чтобы так мучиться? Две его рабочие гипотезы были такие: либо речь идет о еще одном проявлении знаменитого английского стоицизма, лишний

испытании на прочность, на так называемую «жесткую верхнюю губу», или же это лейбористы и профсоюзы и прочие левые изобрели такой способ наказания богачей.

А еще вопрос — почему многие англичане младшего, да и среднего поколения кладут ноги в грязных ботинках на сиденье напротив? Причем занимаются этим не только какие-то там хиппи, но и вполне достойного, на первый взгляд, вида люди обоих полов. Не только читатели бульварной «Сан» или газеты с голыми женщинами под странным названием «Дейли спорт», но и почтенной «Гардиан». А контролер (он же проводник, он же кондуктор, по-английски вообще будет — guard, то есть охранник, что ли?), так вот, почему этот самый гард, проверяя билеты, гад, пробивает их иногда железными клещами с такой силой, что круглые кусочки картона разлетаются по всему вагону, и один такой кружок угодил как-то Сашку в глаз? Ну и почему, в конце концов, в туалетах... тсс, нет, про туалеты лучше не надо, все же речь идет о государстве — постоянном члене Совета Безопасности ООН.

От этих размышлений Сашка оторвало пронзительное воспоминание о недоправленной накануне статье для сборника «Инвестиции в бывшем СССР». Сашок вскочил как ужаленный и схватился за портфель. «Не дай бог я забыл ее дома, тогда все, кранты, уволит индеец беспощадный», — думал он, лихорадочно пытаюсь расстегнуть замок портфеля. Но то ли от спешки, то ли еще почему-то, но только тот не желал расстегиваться. «Заело его, что ли?» — мелькнула мысль. Такое с портфелем иногда случалось и раньше, но обычно достаточно было проявить некоторую деликатную настойчивость, потянуть, подергать осторожно, чтобы замок поддался. Нет, на этот раз заклинило капитально.

Сашок огляделся: сидевший наискосок от него дядечка был погружен в «Таймс» и не обращал на Сашку ни малейшего внимания, но вот вредная старушенция справа, на другой стороне вагона, проявляла явные признаки

живой заинтересованности в происходящем. «Ну и черт с тобой, смотри, наслаждайся», — думал про себя Сашок, но на самом деле все равно краснел под ее взглядом — что она там себе вообразила?

Сашок потянул хлястик решительно вправо. Никакого результата. Дернул влево. Ничего. Нажал — уже просто изо всех сил — на круглый запор. Бесполезно! Он нажимал, дергал, тянул все яростней снова и снова, стараясь не смотреть на старуху справа и в то же время, замирая от ужаса, представляя, что вот сейчас или замок сломается, или хлястик оторвется... Как, интересно, он будет тогда оправдываться перед тестем?

«Наверно, замок как-то защелкнулся сам собою... где ключ-то у меня, черт его дери?.. С собой точно нет... кажется, в секретере у жены лежит», — проносилось в голове.

Но тут... Тут у Сашка внутри точно что-то оборвалось: он вдруг вспомнил идиотский эпизод на станции и идиотского русского клоуна... Так что, собственно, правильно все понимает старушенция: портфель в руках у Сашка чужой, потому-то он и не открывается!

«Подменил, подменил-таки, дурошлеп проклятый, доигрался со своими розыгрышами нелепыми», — думал Сашок, а тем временем и дядька напротив тоже уже оторвался от своей газеты и уставился на него в упор.

Сашок сидел теперь неподвижно, прижимая к коленям злосчастный портфель обеими руками. («Ну, да, конечно же, не мой, вот, разве была у моего здесь эта царапина? И вообще, мой был потяжелее, как это я не заметил сразу?»)

И вдруг еще одна ясная, простая и очевидная мысль обожгла Сашка — а почему непременно розыгрыш? Ведь вполне логично предположить нечто более практичное и зловещее, а? Нет, нет, все это только в кино бывает, а уж с ним, безобидным русским интеллигентом, в английской провинции проживающим, точно такого не может